

475 ШАГОВ В ДРУГОЙ МИР, ИЛИ ИЗОБРАЖЕНИЕ
ИНОСТРАННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. С. ЛЕСКОВА¹

С помощью литературных произведений, которые интегрируют в коммуникативные поля читающих и мыслящих людей из разных сословий, можно «измерить» градус «общественного мнения» и даже «накал страстей» вокруг темы иностранцев в России и привносимых ими инноваций в технике, одежде, культурных практиках. Произведения Н.С. Лескова предоставляют богатый материал для исследования отношения к иностранцам и иностранным предпринимателям в России XIX в. В этих произведениях видно неоднозначное и противоречивое отношение автора к данной проблематике, охватывающей темы межкультурной коммуникации и адаптации новых культурных и социальных практик.

Ключевые слова: *Н.С. Лесков, иностранные предприниматели, инновации, коммуникативное поле, коммуникативный акт*

Инновации возникают, а научный, культурный и технологический обмен происходят, прежде всего, в трансграничном и межкультурном пространстве, на пограничных участках взаимодействия культур, традиций, стран и народов. Творчество Н.С. Лескова интересно его стремлением понять, по каким принципам происходит межкультурный диалог – не статичный обмен между герметичными массивами «национальных культур», а динамичный диалог их представителей. Многоплановость диалогов у Лескова позволяет увидеть взаимодействие русской и западноевропейской культур во всей их многогранности². При этом писатель не занимает однозначной позиции по отношению к своим героям в интеракции «своего» и «чужого», что связано с противоречивостью самой «национальной» проблематики. Лесков – пожалуй, первый писатель, посвятивший этнокультурным аспектам инаковости многочисленные сюжеты своих произведений – в «Островитянах» (1866), «На краю света» (1875), «Железной воле» (1876), «Левше» (1881), «Колыванском муже» (1888) и др.³ На это же время приходится актуализация «немецкого вопроса» и выход прежних споров западников и славянофилов на новый культурно-цивилизационный уровень *национальных* масштабов. В России политика Пруссии, особенно после Германской войны 1866 г.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки РФ 33.8064.2017/БЧ «Коммуникативные поля бытования инновационных процессов в России Нового времени: генезис, функционирование, трансформации». Автор выражает благодарность Я.А. Лазареву, Л.С. Соболевой и О.П. Старцевой за деятельное участие в обсуждении статьи.

² Кузьмин 2003. С. 5.

³ См.: Алексеева, Редин, Рей 2016. С. 10.

и укрепления идеи пангерманизма и национализма, начинает все более восприниматься как агрессивная⁴. Дальнейшее формирование идеи панславизма и обострение «остзейского вопроса» в Российской империи привело к усилению дискуссии в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы⁵ «Россия – Запад» в литературе и публицистике.

Центральное место в разборе литературных произведений занимает язык в контексте культуры и ментальности исторической эпохи. Однако миф о единстве языка и языковой идентичности нуждается в коррекции, так как сколько существует диалектов, сленгов, говоров в контексте жизненных укладов, столько и идентичностей⁶. Автор статьи исходит из того, что «стабильность материальной культуры не обеспечивает единства этнической идентичности, и, наоборот, резкие перемены в развитии материальной культуры не обязательно соотносятся с этническими изменениями»⁷. Применяя это положение к межкультурной ситуации в российском городе середины XIX – начала XX в., можно приблизиться к пониманию природы разной степени интенсивности интересубъективной и коммуникативной встречи новых и традиционных культурных и языковых практик.

Произошедший в результате петровских реформ «культурный раскол русского народа, [...] когда русские крестьяне воспринимали своего говорившего по-французски барина как “немца”», усиливал многоплановость и полиперспективность, по которым могли развиваться сценарии событий во время интеракции между «традиционными русскими», «новыми русскими», иностранцами и «обрусевшими немцами»⁸. Не только глубокую трагичность и раскол представляли из себя эти изменения, но и открытие новых горизонтов и возможностей, перемену качественного состояния русского общества в сторону большей открытости и многообразия, чередование дихотомий, симбиозов и синтезов в рамках парадигмы «Россия – Запад». То, что было раньше нонсенсом, стало нормой, что было обычаем – нелепостью. «Перевернутый мир» императора Петра I являлся в сознании широких слоев населения аномалией, идентичной миру Антихриста. «Русский человек» Нового времени, первоначально узкого элитарного слоя, обживал этот новый мир, обставляясь мебелью Гамбса, надевая французские парики, одеваясь в камзол и кюлоты, развлекаясь техническими «безделушками», театром, светскими книгами, и не только на русском языке. «Русский человек» очутился в многоязычном и полифоничном мире, изменились модус его существования, мировосприятие и самоиден-

⁴ Кузьмин 2003. С. 6.

⁵ Алефиренко 2009.

⁶ См. Вдовиченко 2016. С. 18.

⁷ Кузьменко 2011. С. 6.

⁸ Каменский 2001. С. 161.

тификация. Если эту ситуацию перенести во времена Лескова и спроецировать на его тексты, с речью повествователя (зачастую деформированной и не совсем аутентичной авторской), рассказчика и самого литературного героя, получим в полной мере многоуровневую коммуникативную реальность культурного социума⁹. Не случайно, Лескова назвали первым автором модерна, ведь он экспериментирует, парафразирует и заимствует, переставляет местами, заинтриговывает читателя, оставляя за ним право самостоятельно составить свое мнение – лоскутное одеяло культур, философий, перспектив, точек зрения¹⁰.

Статус иностранца в России значительно менялся «от свободы поселения и равенства в сословных правах (1702–1789), через необходимость натурализации и жесткую регламентацию деятельности (1789–1860) до принципов равноправия и бессословности (1860–1914)». Именной указ Александра II от 7 июня 1860 г. даровал «всем прибывающим в империю по делам торговли, земледелия и промышленности [...] равные права с русскими подданными», а законы 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г. устанавливали равенство русских и зарубежных подданных¹¹. Образуется неоднозначная культурная ситуация, когда иностранное официально уравнивается с русским, «чужое» со «своим», что могло восприниматься многими как болезненный диссонанс.

С момента основания Петербурга немцы, как и многие западноевропейцы, занимавшие свои культурные ниши в городском пространстве, были его неотъемлемой частью. В Петербурге находилась самая многочисленная городская дисперсная немецкая колония в России. Здесь наиболее тесно сходились «немецкий» и «русский миры».

Немец или германец?

Вплоть до XVIII в. этнически обезличенным понятием *немцы* (голландцы, англичане, шотландцы, ирландцы, датчане, шведы, французы и др.) назывались иммигранты из Центральной, Западной и Южной Европы, и не только в России, но и во всей Восточной Европе, несмотря на наличие различных языковых групп и подгрупп: западно-, южно- и восточнославянской и финно-угорской¹². Различия делались с помощью региональных уточнений: «немчин шкотской земли», «немчин французской земли», «немчин свейской земли» и т.д. Этноним «немец» в славянских языках связан со словом *нѣмьць* – от слова *нѣмь*, т.е. немой, заикающийся¹³. Преобладающей среди «нѣмьць» на протяжении всего времени являлась этническая германская группа. Из европейских наро-

⁹ Вдовиченко 2016. С. 17.

¹⁰ See Benjamin 2006; Kucherskaya 2016.

¹¹ Поткина 2014. С. 167–170.

¹² Nĕmčina (чешский), niemiecki (польский), némski (болгарский), nemščina (словенский), német (венгерский).

¹³ Цит. по: Суслов 2014. С. 181.

дов с немцами у русских начиная с XVIII в. были наиболее тесные отношения, что нашло отражение и в литературе¹⁴. Однако даже в XVIII–XIX вв. в этой группе сохранялось большое разнообразие: наличие балтийских немцев, поволжских и иных преимущественно немецких колонистов, как российских подданных, так и имперских, прусских и др. немцев, осложняло их восприятие как единого этноса¹⁵. Имеется и ряд устойчивых обозначений по социально-профессиональному признаку: немецкий булочник, немецкий колбасник, немецкий управляющий, сочетающиеся с обозначением «статуса (немец-колонист, немец-бюрократ, немец-«фон-барон» и т.п.)». К концу XIX в. с политизацией этнонима «немец» в контексте понятия «германизм», «понятие “немец” маркирует истинное “поворотное время” в истории императорской России как время постепенной политизации морального отношения к “Другому” и его превращение в гегемонистского “Другого”»¹⁶. Ввиду этих тенденций к концу XIX в. в среде правых «разные категории “немцев” имели общий набор (негативных) качеств», что одинаково усугубляло положение «немца-колониста, немца-ученого, немца-аптекаря, немца-чиновника, немца-прибалтийского землевладельца, и немца-подданного Германской или Австро-Венгерской империи», сущностная связь которых «в политических дебатах никогда не терялась из виду»¹⁷.

Видение Лесковым «немецкой» темы сильно контрастировало с интеллектуальным мейнстримом второй половины XIX в. Если у писателя преобладает опосредованное его героями неполитизированное и гуманистическое обращение к читателю, то, к примеру, высказывания Ф.М. Достоевского граничат с культурным расизмом¹⁸. У В.О. Ключевского в образе «исторического» врага, вслед за темой «истоков» и «самобытности», со всей определенностью выступает «племя германское», потерявшее «со времени вступления России в общую жизнь [...] свою монополию делать историю»¹⁹. При этом находим характерное использование естественнонаучных терминов в применении к этнокультурной проблематике и уверенность в том, что одни народности растворяются в других подобно сахарному песку в стакане чая. В 81-й «Лекции по русской истории» Ключевский говорит об «усил[ении] розн[и] интересов племенных» и о «немецком элементе» в остзейских провинциях, «который с трудом растворялся химически в составе русского населения», а также о «немецком засилье» при Анне Иоанновне²⁰. Да и самому Лескову, несмотря на всю инновативность его поисков, не удалось полностью

¹⁴ См.: Жданов 2005.

¹⁵ Опарина 2007. С. 11.

¹⁶ Суслов 2014. С. 181, 188–189.

¹⁷ Там же. С. 181–182.

¹⁸ См.: Оболенская 1999. С. 291.

¹⁹ Цит. по: Алеврас, Нохрин, Богомазова 2016. С. 55.

²⁰ Ключевский 1989. С. 164.

освободиться от дискурсов своего времени. Для религиозно-философского мировоззрения писателя был характерен «органический» взгляд на развитие культуры и общества, как на человеческое тело или некий организм, в котором циркулируют идеи подобно сокам в растении или крови в живом организме²¹.

Говоря о «немецкой натуре», Лесков находится в контексте гердеровских идей, но он, кроме «русского европейца», еще и христианин²². Писатель не ослеплен идолом национальной идеи, напротив, лейтмотивом всего его творчества служат высокие идеи гуманизма и национальной терпимости. Балансируя на межкультурном зоре, он недвусмысленно пишет в письме к К.А. Гreve (5 декабря 1888 г.) о своей главной интенции – «единстве рода человеческого»²³. В XIX в., веке «культурологических» предрассудков о «национальном характере» и «национальной культуре», Лесков говорит не только о русских праведниках и русском духе, но, ломая стереотипы, и о «нетипичных» «чувствительных» и религиозно аффектированных немцах, англичанках- и немках-праведниках. Для многих современников это выглядит как открытая провокация и оскорбление религиозных и национальных чувств. Но Лесков непреклонен в отстаивании своего кредо – в отношении к разным национальностям со стороны властей не должно быть никаких «предпочтений». Призывая к толерантности, он признает: «все эти люди добрые верноподданные, но только разной культуры и разной натуры», что не снимает многих расхождений «в понимании вопросов нравственного порядка между русскими и “людьми западной культуры”»²⁴.

Восприятие немца (иностранца) в России можно подразделить по трем социальным стратам: низшие и средние слои (крестьянство и городское население), космополитные элиты и «национальная» интеллигенция. По мере продвижения к более высоким стратам наблюдается усиление поляризации «русского» и «немецкого» начал, хотя С.В. Оболенская справедливо отмечает «диалектический характер связи между разными слоями русской культуры и ее общую неразделимость»²⁵. Для крестьянства и средних слоев городского населения в восприятии немца преобладают положительные или нейтральные характеристики: «образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. – это отнюдь не образ врага, каким он станет позднее, еще до 1914 г., когда немцы оказались реальными врагами»²⁶. Совпадение демонизации немцев в православной публицистике, идеи панславизма и русификации остзейских и

²¹ Girfanova, Cheremisina, Harrer, Bobrova 2015. P. 412; Spertle 2002.

²² Кузьмин 2003. С. 78.

²³ Зенкевич 2005. С. 331.

²⁴ Кузьмин 2003. С. 76-77, 79.

²⁵ Оболенская 1991. С. 183.

²⁶ Там же. С. 182.

западных провинций в последних декадах XIX в. не случайно. Именно на это время приходится выработка национальной идеологии и негативной самоидентификации посредством отрицания немецкого начала как антагонистичного славянскому и русскому²⁷.

Безусловно, петербургские немцы смогли создать свою особую среду. Один из авторов физиологического очерка писал в 1847 г.: «Он [новичок] ходил в свои церкви; читал газеты на своем языке; вступал в свой цех; имел старшин из своих; обедал в трактирах, содержимых своими; веселился в своих клубах; мотал в своих магазинах; слышал родное наречие в театре, в домах, в делах, в торговых заведениях, на улицах; одежду и обувь, хлеб, масло, картофель, окорок и колбасы он брал у своих; [...] Вскоре, осмотрясь, он перевез сюда свою семью; перетащил близких, женился на Немке; его начальник, его секретарь, его хозяин, гезель, подмастерье, приятели, знакомые, друзья, любовница, кухарка – были Немцы»²⁸. Автор очерка считает, что сделал открытие нового рода «столичных антропоморфов или биманов» – петербургских немцев. Он видит в последних не только *бывших* «германцев», но и всех вообще иностранцев: итальянцев, французов, англичан, голландцев и пр., переродившихся в новую «породу». Свое «открытие» автор сделал в Немецком театре [немецкая труппа императорских театров на сцене Александринского театра], где он встретил «полный и целый народец в народе» – петербургских немцев «всех званий и состояний»: негоциантов, профессоров, воинов, помещиков, судей, фабрикантов, докторов, артистов, чиновников, пенсионеров, *афферистов*, аптекарей, модисток, прелестниц, *гандверкеров*²⁹.

Образ иностранца как «островитянина»

Население одного из старейших районов Петербурга, Васильевского острова, наряду с 1-й Адмиралтейской частью, изначально показывало самый высокий процент иностранцев и прежде всего немцев. Вот как описывал Петр Медведовский в 1848 г. этот особый мир васи́леостровских немцев: «Если Вы когда-нибудь, проходя по Исакиевскому мосту, вздумаете, от скуки или от нечего делать, измерить это пространство, то насчитаете 475 шагов. Кажется, не велико расстояние, отделяющее Васильевский остров от Адмиралтейской стороны, а между тем, перейдя мост, вы очутились в ином мире, как будто переплыли море-окиян и вышли на берег, где-нибудь в Немечине: другие нравы, другие обычаи. Даже нет улиц, а все линии, точно в геометрии: правильность изумительная»³⁰.

²⁷ Суслов 2014. С. 184-186.

²⁸ Иллюстрация 1847. С. 69.

²⁹ Ремесленников – написание сохранено соответственно оригиналу: Иллюстрация 1847. С. 67-68.

³⁰ Медведовский 1848. С. 34.

Подробное описание образа немецких ремесленников и «негоциантов» находим в повести Н.С. Лескова «Островитяне» (1866). Ее действие происходит на Васильевском острове в 1862–66 гг. Среди «островитян» автором выделены персонажи с «особым выражением лица» – три немецких персонажа, в судьбе или характере которых сказывается влияние русской культуры: Фридрих Шульц, сознательно стремящийся во всем «русить», Маничка Норк, которую в Германии называют «русской», и Ида, напоминающая повествователю дочь русского сельского священника. Это герои повествования, вобравшие в себя в различной степени «код» русской культуры. При этом у них не чувствуется болезненной раздвоенности. В этих различных коммуникативных полях они чувствуют себя комфортно, это их выбор и их жизненный модус.

Не случаен и выбор Лескова. Хорошо знакомый и описанный в различных «физиологических» очерках, литературных произведениях и городских анекдотах тип петербургского немца был неотъемлемой и естественной частью повседневной жизни столицы³¹. Поэтому видится целесообразным не рассматривать противопоставление «своего» и «чужого» лишь в контексте антагонизма культур, хотя иностранцы и немцы представляют хорошую проекционную плоскость для такого сравнения. Напротив, более продуктивным может стать анализ повседневного сосуществования, хотя и не свободного от противоречий, и взаимодействия культур, что для космополитного Петербурга было его естественным состоянием.

Из критического отношения Лескова к Западной Европе не следует прямолинейного вывода о «спасительности российской духовности». Действительно, взгляды писателя на Европу совпадают в чем-то со взглядами Достоевского, например, на «онемевшие для высокого чувства сердца буржуазной Европы»³². Но Лесков, в отличие от его коллеги, апеллирует к диалогу как единственному способу существования во все усложняющемся мире. И в этом смысле Лесков – автор постнациональной истории. Если Достоевский говорит о невозможности поладить с Европой и непримиримых противоречиях с ней, Лесков ищет пути сосуществования разных культур³³. Более того, он убирает межкультурные границы и создает поликультурное коммуникативное пространство, в котором культурные (коммуникативные) поля накладываются друг на друга, создавая огромное многообразие фрактальных структур.

Хотя можно допустить некоторые погрешности относительно этнографической точности³⁴ в изображении жизни василеостровских немцев Норков и Шульцев, балансирование повествования на грани

³¹ Иллюстрация 1847; Иллюстрация 1848. Т. 6. № 1, 3.

³² Лесков 1902. С. 7.

³³ Оболенская 1999. С. 287.

³⁴ См.: Заварзина 2009. С. 5, 7, 9.

реальности и авторской фантазии создает эффект наибольшего правдоподобия. В этом отношении нас даже больше интересует не уровень достоверности, а отношение автора к своим героям и те вопросы, на которые он не дает прямого ответа, но подобно Сократу, заставляет читателя самому сделать свой вывод³⁵. Мы бы не стали ставить петербургского немца перед проблемой выбора между «своим» и «чужим», поляризуя эти два понятия, как это делает признанная исследовательница наследия Лескова Н.Ю. Заварзина³⁶. Особый модус существования в поликультурном пространстве не предполагал такой постановки вопроса. «Проблема выбора» не рассматривалась и не ощущалась как «проблема», и, соответственно, ее решение не предполагало исключения одного другим или победы «русского» дискурса над «немецким».

Не менее продуктивна для анализа литературного текста модель особого петербургского типа (городской) культуры, для которого характерны многообразные формы существования и степени интеграции представителей различных культур («антропоморфов» и «биманов»), трансформированных в петербургском пространстве в нечто третье, отличное от их индигенной культуры. Так «смазывалось» понимание «своего» и «чужого», где «чужое» – это тоже «свое». В связи с этим в перспективе национальной историографии вопрос о том, интегрироваться или нет, долгое время не стоял так остро или не артикулировался осознанно представителями нерусских этносов и иных конфессий. Особое петербургское коммуникативное пространство не требовало этого, создавая условия относительно комфортного существования для всех, независимо от национальности и конфессии. Не случайно, что именно в Петербурге зарождались все национальные движения империи, включая поляков, украинцев и прибалтийские народы³⁷.

³⁵ См.: Разинов 2012.

³⁶ Заварзина 2009. С. 8. Нисколько не умаляя фундаментальных исследований Н.Ю. Заварзиной, автор лишь пытается расширить этнокультурный дискурс произведений Лескова. Действительно ли «в повести изображены петербургские немцы, [...] совершенно незнакомы[е] с русской культурой»? Ведь они сделали главный культурный выбор, живя на протяжении многих поколений в столице России. И так ли важен признак «чуждости», если они не знают, в отличие от Шульца, самых знаменитых русских актеров и певцов? Ведь то же можно сказать и о многих жителях сегодняшних «спальных» районов Петербурга. Так ли уж справедливо, если они говорят на ломаном русском, говорить об их «замкнуто[м] немецко[м] мирк[е]». (Заварзина 2009. С. 11). Комичность ситуации при способности перепутать любые слова (например, «воспевает» и «потеет» (в гл. 8), не могла быть не замечена русскими современниками. Лескову наверняка был известен персонаж чрезвычайно популярного в свое время водевиля П.А. Каратыгина «Булочная, или Петербургский немец» (1843), где мастер Клейстер бесцеремонно коверкает русскую речь, считая себя при этом знатоком русского языка.

³⁷ Исследовательница выделяет четыре основные стратегии аккультурации, используемые в кросс-культурной психологии: ассимиляцию, сепарацию, марги-

Скорее всего, это совпадение, но два прилагательных *немецкий* и *германский* встречаются в повести «Островитяне» по два раза и таким образом уравновешены количественно. Если же говорить о качественных различиях, то прилагательное *немецкий* вызывает больше симпатий, так как применяется в сочетании с существительным *школа* и глаголом *говорить*: немецкая школа и говорить по-немецки, а *германский* в сочетании с существительными *студент* и *варвар*, что может интерпретироваться по-разному, если не считать имени собственного в случае с Германом Верманом, которого автор и сравнивает с неким omnipotentным варваром, изгнавшим римлян из германских лесов.

Парадоксальность Лескова хорошо просматривается в «Островитянах», герои которых существуют в поликультурном и многоязычном пространстве. Этим определяется неоднозначность и парадоксальность жизненного мира Петербурга и России времен Лескова, где «русский человек» Иван Сипачев оканчивает «свой курс немцем», а «типичный немец» Фридрих Шульц пытается во всю «русить» и показывать себя русским, подчеркивая это в речевых актах³⁸. То же происходит по зеркальному принципу и с русскими персонажами. Именно поэтому в повести создается аберрация образов иностранца и русского, когда иностранцы «немножко» русские, а русские – «немножко» иностранцы. Возможно еще и потому, что наблюдения Лескова основываются, как правило, на *своих* «русских» немцах, определяющих российскую специфику «западноевропейского материала». Для человека со стороны, приехавшего, например, из Центральной России или из Москвы в Петербург, это поликультурное коммуникативное пространство воспринималось зачастую как «немецкое», «чужое». Хотя, естественно, влияние западноевропейской культуры наложило свой отпечаток и на провинциальный русский город. Не случайно платье городского покроя называют «немецким», так как оно, в отличие от деревенского костюма, не имеет поддевки, кафтана, сарафана и т.п.

Убирая внешнюю перспективу безучастного наблюдателя и входя в поликультурное пространство Петербурга, «чужое» становится «своим». Главные герои повести – анонимный рассказчик с Украины, петербургские немцы Норки и Шульц, русский художник Истомин, не считая русскую прислугу у Норков и прохожих. Семья Норков – старинная петербургская семья в третьем поколении, социально и экономически полностью адаптированная в петербургскую жизнь: «Жили Норки в небольшом деревянном доме на углу одной из ближайших линий и Большого проспекта [...]. В пяти окнах, выходивших на линию, у Норков помещался магазин и мастерская, в которой жил и ра-

нализацию и интеграцию, что придает анализу некоторую шаблонность и социологичность. См. Заварзина 2009. С. 11.

³⁸ См. Данилова 2011. С. 20, 26-27.

ботал с учениками Герман Верман»³⁹. Основными отличительными чертами семьи Норков, эмблематичными для немецкой культуры в представлении современников и в изображении Лескова, являются трудолюбие и скромность⁴⁰. Учитывая пребывание семьи в Петербурге на протяжении многих десятилетий, трудно представить, что сами Норки воспринимали себя как «чужой элемент» в России. Правомерно предположить, что эти же качества с таким же успехом могли переноситься и переносились на «русский характер». Сам же автор повести делает из подмастерья Германа Вермана какой-то смешанный тип не то француза, не то англичанина, не то русского, любившего покутить⁴¹. Эта странная на первый взгляд непоследовательность объясняется интересом Лескова к иному, «чужому», к западному типу сознания, этическим и духовным ценностям⁴².

Критерий отношения к труду оказывается для Лескова одним из решающих. Умерший много лет назад отец семейства, Иоганн-Христиан Норк, «был по ремеслу токарь, а по происхождению петербургский немец. Он был пунктуально верный, неутомимо трудолюбивый и безукоризненно честный». После сорока лет «неусыпного труда» предприимчивый немец «оставил своей верной подруге», Софии Карловне Норк «три тысячи рублей серебром государственными кредитными билетами и новенькое токарное заведение». София Норк под стать своему мужу обладала удивительной неутомимостью, занималась, кроме продажи и приема заказов на токарные изделия в магазине, починкой зонтов. Как это было принято среди немецких ремесленников, после смерти мужа София Норк взяла на себя управление мастерской. Более того, предприимчивая домохозяйка, кроме починки зонтов, занялась еще и другими побочными ремеслами: «... на другом окне магазина, в pendant к вывеске о зонтиках, выступила другая, объявлявшая, что здесь чистят и перешивают соломенные шляпы, а также берут в починку резиновые калоши и клеят разбитое стекло». Для усиления метафоры труда, Лесков вводит многообразие занятий, подчеркивая невероятное трудолюбие Софии Карловны, которая «все трудилась, трудилась без отдыха, без сторонней помощи и вся жила в своих детях»⁴³.

³⁹ Лесков 1902. С. 9, 26.

⁴⁰ Лесков 1902. С. 27, 28, 50: «Жило семейство Норк как нельзя тише и скромнее», «тихой, скромнейшей семьи», «семейство Норк жило очень скромно».

⁴¹ Известно, что во времена Лескова существовал расхожий стереотип «пьяного немца», что было нонсенсом в повседневной жизни. Именно поэтому этот образ часто находил свое воплощение в данном комедийном персонаже, что неизменно вызывало безудержный смех петербургской театральной публики, так как сильно контрастировало с образом «петербургского немца» и набором его характеристик, которые находим и у немецких героев Лескова.

⁴² Заварзина 2002. С. 178, 180, 182.

⁴³ Лесков 1902. С. 9-11. Три дочери: Берта, Ида и Мария (Маня).

Главную героиню повести, младшую сестру Марию Норк, которую русская прислуга любит «до безумия», Лесков не случайно производит в российскую немку в квадрате: «Маничка Норк была петербургская, василеостровская немка»⁴⁴. Она, вторая после матери, носит в семье имя, могущее быть как русским, так и немецким. В семье Маня наиболее близка к русской культуре: она «вдруг выучилась читать по-немецки необыкновенно быстро; по-русски она стала читать самоучкой без всякого указания»⁴⁵. Одинаково комфортно чувствующая себя в двух больших литературах – русской и немецкой, Маня символизирует собой позитивную амбивалентность билингва. Степень обрусения показана и в образовании отчества ее сестер: не *Иогановны*, а *Ивановны*. Глава вторая начинается мотивом из русской народной сказки, которая забрела в семью русского немца Норка. В ней говорится о трех дочерях и о младшей, которая «либо всех умнее, либо всех сильнее, либо всех счастливее и удачливее»⁴⁶. Но, в отличие от русской сказки, образы трех дочерей: Берты, Иды и Мани, не диссонируют с положительными образами «умных, скромных и просвещенных» дочерей немецких ремесленников: седельника или портного, в восприятии русских военных путешественников 1813 года где-нибудь в Саксонии⁴⁷. Характерно, что в Германии Мария оказывается тоже в среде ремесленников – ее муж, Роберт Бер (нем. медведь), кузнец, они проводят свое время у доктора Риперта в Плау «на третий день Рождества Христова» в обществе дочерей кузнеца Шмидта и столяра Тишлера. Бер – человек с сомнительной репутацией, *по слухам* среди жителей Доберана – «сектант, гернгутер, пуританин и даже ханжа», чуть ли не алхимик и черт, якобы питающийся сырым мясом, «потому что у него глаза совершенно красные, как у пьяного француза»⁴⁸, оказывается на самом деле праведником. Это первый персонаж в творчестве Лескова, к которому восходят образы героев-праведников, – немец-гернгутер, что «говорит о сложном соотношении в творчестве Лескова русской и инокультурной традиции»⁴⁹.

Маня превращается при этом в «русскую жену», которую Бер по слухам купил, что не соответствует действительности и показывает все

⁴⁴ Там же. С. 12. Лесков словно подтрунивая над предрассудками и страхами перед «чужим», говорит о старой русской кухарке в семье Норков, которой «голова не отрубили». Кухарка имела неосторожность «дать» голову свою на отсечение в том, что болезненная Маша – не жилец.

⁴⁵ Там же. С. 13.

⁴⁶ Там же. С. 12.

⁴⁷ Оболенская 1994. С. 78.

⁴⁸ Лесков 1902. С. 149, 152-154.

⁴⁹ Заварзина 2009. С. 23-24. За свой отход «от догматичного православия в сторону независимого деятельного христианства, на позиции толстовства в 1880-1890-е гг.», писатель не раз подвергался критике со стороны православной церкви. – Кузьмин 2003. С. 81; Данилова 2009; Girfanova et al. 2015. P. 411, 414.

еще высокий уровень предрассудков о России того времени⁵⁰. Уезжая в Германию, Мария Норк выходит «из заданных рамок “русской судьбы”», но на этом ее *преодоление* национального пространства не заканчивается. По аналогии с австрийской путешественницей Идой Пфейфер, «Маничка покидает Германию и отправляется в странствие»⁵¹. Она становится детской писательницей, вопрошая к детям – «агнцам Божиим», в контексте теперь уже наднационального межкультурного диалога, обозначенного Н.С. Лесковым.

Интересен и анонимный «онемеченный» рассказчик повести, предположительно украинец, которому «снилась [...] золотая Украина, ее реки глубокие и чистые, седые глинистые берега, покрытые бледно-голубою каймою цветущего льна»⁵². Украина в его грезах предстает как райский уголок, в отличие от Петербурга с его переменчивой погодой, для которого рассказчик подбирает самые нелестные характеристики⁵³. Автор придает некоторым качествам личности рассказчика подчеркнуто немецкий характер, заставляя его применять модальный глагол внутреннего долженствования *müssen* в сочетании с глаголом *работать*: «Что я делаю? – Хочу поработать немножко, Ида Ивановна». «Охота!». «Dass muss, Ида Ивановна, а не охота». Ида называет его тепло породственному «куманечик» и по-дружески «душа-радость».

Прямой противоположностью положительным «немецким качествам» рассказчика является русский художник Роман Прокофьевич Истомин, о котором Лесков в начале повествования отзывается весьма лестно. Истомин – «славянский богатырь-молодец», «женский кумир»⁵⁴. Но именно он не соответствует критерию труда. Неясно, чем он занимается за границей: «хандрит или работает»⁵⁵. «Истомин стал еще нервнее, беспечней и ленивей. [...] Истомин уж совсем ничего не работает и за кисть даже не берется. [...] Истомин ничего не работает и валается»⁵⁶. Лишь со слов самого Истомина, он, якобы, «очень усердно и очень успешно работал»⁵⁷. Такой несправедливый образ жизни Истомина не позволяет надеяться на волшебное спасение славянского богатыря. Неужели он погиб? Уже в Германии, после прощания с Марией, рассказчик сравнивает Истомина с приговоренным к смерти «завтрашним мертвецом». Возможно, он умер для этой жизни и посвятил себя странствиям во имя спасения своей души, возможно это и есть «русский

⁵⁰ Лесков 1902. С. 149.

⁵¹ Заварзина 2009. С. 14.

⁵² Лесков 1902. С. 108.

⁵³ Там же. С. 14, 19, 105, 108, 111.

⁵⁴ Там же. С. 51, 33.

⁵⁵ Там же. С. 119.

⁵⁶ Там же. С. 77.

⁵⁷ Там же. С. 105.

путь» Истомина? Ведь он глубоко раскаялся. Истомин и Бер, оказавшиеся в России, идут по грунтовой дороге, медленно спускаются «летние сумерки на степях за Окою», а у художника «полно и крепко забилося в мятежной груди [...] его русское сердце»⁵⁸.

Особое место занимает в повести верный подмастерье Герман Верман, «который сам себя не отделял от семейства Норков». Его суровый нрав контрастирует с трогательной любовью к Марии: при каждом удобном случае он старается ее побаловать и угостить, отказывая себе «в пятой гальбе пива»⁵⁹. Примечательно удвоенное воинственное имя подмастерья. Имя Герман (Hermann) означает в староверхненемецком *воин* или *боец* (althochdeutsch „heri“ → „Heer“ und „man“ → „Mann“). Синонимом к нему относится фамилия Верман, что означает *солдат* (der Soldat), часто называемый в Швейцарии Верман (Wehrmann). И это не случайно, ведь он защищает Марию от обесчестившего ее Истомина, желая поразить «бревном сакрамента [...] мерзавца». Этот эпизод заставил вспомнить повествователя «о том коренастом, малорослом германском дикаре», стоявшем в венском музее⁶⁰. Но Лесков избегает однозначных оценок и штампов, подчеркнуто противопоставляя стереотипу «белокурого германца» черноволосого Вермана⁶¹, не скрывая авторских симпатий к нему: «Герман Верман был небольшой очень коренастый старик, с угловатою головою и густыми *черными* (курсив автора – А.К.), с проседью, волосами, которые все называли *дикими* (курсив в оригинале – А.К.) и по которым Ида Ивановна самого Вермана прозвала Соважем [Дикарь (франц.)]. Соваж был старик честнейший и добрейший, хороший мастер и хороший пьяница». Далее идет наложение неоднозначных характеристик: «По наружности он скорее был похож на француза, чем на немца, а по нраву на англичанина; но в существе он был все-таки немец, и самый строгий немец»⁶².

Этот характерный прием перепутывания и замены одного другим, описанный Н.Ю. Заварзиной, применяется Лесковым для «превращения[я] русского в немецкое и наоборот». Лесков показывает таким образом взаимодействие культур и положение человека, оказавшегося в межкультурном пространстве⁶³. Рыбаки на Неве приняли бросившегося в воду по Неве Германа за дьявола: «кто-то страшный и издали немножко схожий с виду с человеком»⁶⁴. Но «дикий» Герман Верман оказывается честным, преданным и нежно любящим Маньхен подмас-

⁵⁸ Там же. С. 166-168.

⁵⁹ Там же. С. 12.

⁶⁰ Там же. С. 134-135.

⁶¹ Также: дочь булочника и подруга Мани «чёрненькая Клара Шперлинг».

⁶² Там же. С. 26.

⁶³ Заварзина 2008. С. 35.

⁶⁴ Лесков 1902. С. 171.

терьем – мастером своего дела⁶⁵. Неоднозначность образа Германа, автор подчеркивает замечанием Шульца об утопленнике: «Я говорю, что покойник-то... Он и в тот год, когда Иоганус умер, он также закутился и переплыл сюда с гулянья... А нынче, верно, стар... Уж как хотите, а пятьдесят четвертый год... не молодость. ...Да, все кутил, кутил покойник. Я тридцать лет его уж знаю – все кутил»⁶⁶.

Парадоксальна и личность «негоцианта» Фридриха Фридриховича Шульца, мужа старшей сестры Берты, ставшего косвенной причиной трагедии в семье Норков: это он привез художника Истомина, обесчестившего Маню, к ним в гости. Презентуя все типажные черты «добротного немца», повествователь представляет их как отрицательные характеристики, доведенные до максимальной степени проявления. Шульц, стремящийся превратиться в русского, предпринимает попытку освоения русской культуры, а его образ создается соединением немецких и русских культурных стереотипов⁶⁷. В образе Шульца в один момент предстает немец-самодур, в другой – примерный отец семейства. Такими «перевертышами», обладающими качествами двуликого Януса, полны произведения Лескова. Изгой может стать праведником (Бер), а «чужие» – святыми (Ида и София). И, возможно, утрируя «русскость» Шульца, Лесков показывает некую модель интеграции. Так, в описании нового дома Шульца присутствует «огромная светлая зала, в углах которой красуются две довольно дорогие гипсовые статуи новгородского мужика и бабы, которых со дня перенесения их сюда с художественной выставки Фридрих Фридрихович назвал Иваном Коломенским и Марьей Коломенской», что можно перенести в определенной мере на все русское «образованное общество», оторванное от «народа» и идеализирующее его. Для представителей этого «чужого» общества такие типажы как Фридрих Шульц становятся «своими»⁶⁸. Фриц Фрицевич, как его в шутку называл Истомин, «являлся человеком самым простодушным и безпретендательным: все ему, бывало, хорошо, что ни подашь; все ловко, где его ни посадишь». Как «истинно русский человек» Фридрих Фридрихович, ссылаясь на «мужиков в деревне», запросто выпивает две рюмки водки натошак, в то время как рассказчик отказывается: «Рано, не могу утром пить»⁶⁹. Дошло до того, что Шульц «в присутствии всех солидных немцев и самого пастора Абея начал окончательно объявлять себя человеком русским и отдавать тонкое предпочтение всему русскому». Шульц – любитель русского и немецкого театров, посещает регу-

⁶⁵ Там же. С. 47. На день рождения Герман дарит Мане деревянный швейцарский домик.

⁶⁶ Лесков 1902. С. 173.

⁶⁷ Заварзина 2009. С. 18, 19, 22.

⁶⁸ Лесков. 1902. С. 190.

⁶⁹ Там же. С. 33-34.

лярно Александринку, где немецкие «булочники, портные, сапожники» занимали партер, а «подмастерья их, вероятно, раек»⁷⁰.

Являясь на фоне немецких приятелей, с трудом понимающих по-русски, «экспертом» русского языка, Шульц поправляет их, объясняя плохо ими улавливаемую разницу между глаголами *петь* и *паять*, *воспевать* или *спаивать*⁷¹. «Русскость» Шульца не аморфна. Напротив, его полиморфность – ключ к его пониманию. Она позволяет ему «как чисто русск[ому] человек[у]» говорить: «У нас в Разсеи из этого просто», и тут же ссылаться на надпись на «голландском червонце»: «*Concordia res parvae crescunt*»⁷², оставляя читателя в недоумении, служит ли Шульц Мамоне или объединяет как истинный негодичант народы, цитируя часть латинского афоризма. Как истинно «русский человек» он, лютеранин, на освящение своего нового дома он приглашает православного священника: «Шульц тоже и себе испросил его благословения и поцеловал его руку. Священник сконфузился». Его «петербургская» толерантность не знает границ. На обращение к нему священника по имени-отчеству Фридрих Фридрихович, Шульц отвечает наполовину по-польски: «Эх, батюшка, да зовите меня просто Федор Федорычем. Ведь это вшистско едно, цо конь, цо лошадь»⁷³. Шульц в своих сумбурных рассуждениях о национальных добродетелях с легкостью говорит о «наших» народах: «Наш немецкий народ – это правда, есть очень высокообразованный народ; но наш русский народ – тоже очень умный народ»⁷⁴. Да, он раз-вращенный немец, самодовольно улыбающийся на слова Истомина, что «Берта Ивановна вся куплена». Шульц же сводит Истомина с женщинами и оплачивает их, аргументируя это тем, что «нам всем нужно *разнообразие* [...] в самом узком значении»⁷⁵. В то же время Шульц – хороший семьянин, заботящийся о материальном благополучии семьи. Постепенно дом Шульца превращается в символ уютного домашнего очага, где «сильно располневшая Берта Ивановна расхаживает на цыпочках по столовой и охраняет мужнино спокойствие, а в зале, в огромном изящном камине, работы Сан-Галли, стараниями детей, разводится яркое пламя», что создает картину патриархальной идиллии⁷⁶.

В конце повествования Лесков помещает двусмысленную деталь о том, что «Фридрих Фридрихович и сегодня такой же русский человек,

⁷⁰ Там же. С. 65–67. Вигель 2000. С. 335. Удивительно, что современник, не будучи знакомым со статистиками, точно обозначил три основных профессии среди немецких цеховых ремесленников. – Юхнева 1984. С. 184; Keller 2002.

⁷¹ Лесков 1902. С. 68.

⁷² *Concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur* – согласием малые государства укрепляются, от разногласия величайшие распадаются.

⁷³ Там же. С. 174–175.

⁷⁴ Там же. С. 69.

⁷⁵ Там же. С. 72, 37, 73.

⁷⁶ Там же. С. 191.

каким почитал себя целую жизнь. Даже сегодня, может быть, больше, чем прежде», из чего становится ясным, что Шульц остается «чужим», но является от этого не менее «своим». В петербургском дискурсе это истинно так. Даже несмотря на то, что Берта Ивановна называет его самодуром, на что Фридрих Фридрихович отвечает: «Что ж, очень может быть, что вы и правы»⁷⁷. Эта реакция показывает еще раз безоговорочную готовность к компромиссу Фридриха Шульца, живущего по принципу: «Худой мир лучше доброй войны».

Пожалуй, наблюдения анонимного автора «Иллюстрации» 1847 г. и его желание показать новый тип петербургских жителей во многом совпали с замыслом Лескова показать «островитян» как неотъемлемую своеобразную часть города. Автор сознается, «что предмет этой статьи есть предмет не только любопытный, но существо доброе, полезное, которому мы обязаны весьма многим, которое есть мы, потому что сделалось уже частью нас самих, чертою нашей физиономии. Да, обсудив здраво, попробуйте уничтожить его, и вы тотчас увидите, что физиономия наша утратит непременно самую резкую свою особенность, свою отличительнейшую черту; лицо и склад наш изменится, мы как будто окривеем, охроем»⁷⁸.

Повесть «Островитяне» прошла мало замеченной читающей публикой и литературной критикой, как это часто бывает с незаурядными произведениями. И тем не менее, это первая, после романа И.А. Гончарова «Обломов» (1859), попытка в русской литературе, сделать своей темой межкультурный диалог, но на более дискурсивном и противоречивом уровне рефлексии. Лесков выстраивает коммуникативное поле, в рамках которого поднимается широкий спектр проблем, связанных с привнесением в русскую культуру и общество иных моделей поведения. «Диалог культур и диалог книг был для Лескова не только источником для создания пограничных образов, образов на стыке “своего” и “чужого”, но и для преодоления этнических стереотипов»⁷⁹.

Рецепция отражения межкультурного диалога в произведениях Лескова противоречива. Отзыв А.М. Горького о нем, как о «самобытнейшем русском писателе» контрастирует с утверждением И. Лукаша, называющим Лескова «русским иностранцем»⁸⁰. Ответ на вопрос, почему Лукаш дает столь противоречивую характеристику, кроется вероятно в том, что Лесков, оставаясь русским национальным писателем, покидает исключительно национальный дискурс. Будучи православным, он обращается к христианским ценностям; прибегает к народным

⁷⁷ Там же. С. 189-190.

⁷⁸ Иллюстрация 1847. С. 71.

⁷⁹ Заварзина 2009. С. 28.

⁸⁰ Cit. Wigzell 2001. P. 105. Цит. по: Заварзина 2009. С. 10.

формам сказа, легенды и сказки, оставаясь при этом европейским писателем по своему интеллектуальному и духовному запросу.

Показанные формы межкультурного диалога не умаляют, а подчеркивают сингулярность, уникальность личности и ее выбора. Учитывая всю условность и фиктивность жизненных ситуаций литературных героев, можно предположить определенную идентичность содержания литературного материала с реалиями действительности, на которую автор проецировал свое осмысление этнокультурной проблематики. В этом смысле автор попытался показать богатый слой межкультурной и трансграничной коммуникации, возможности обсуждения и адаптации новых культурных и социальных практик иностранцев в поликультурном коммуникативном пространстве.

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы.

1. Степень интеграции иностранца или человека с миграционным контекстом определяется не только жизненным миром, социальным укладом, структурами, механизмами ассимиляции и т.п. Не менее важным является его сознательный выбор, могущий кардинально поменять как систему координат, так и идентичность героя⁸¹.

2. Используемые в кросс-культурной психологии четыре основные стратегии аккультурации: сепарация, маргинализация, интеграция и ассимиляция, излишне схематизируют личностные ситуации и как правило не отражают всей многогранности процессов аккультурации, делая необходимым в каждом случае допускать оговорки и исключения. Почти все эти категории приходят в конечном итоге в противоречие с самими героями. Например, в «Островитянах» сестры Норк – «ассимилированная» Маня, должная забыть свою немецкую культуру и язык, уезжает в Германию и становится писательницей и гражданином мира, «интегрированные» Берта с ее мужем Фридрихом Шульцем на самом деле живут в виртуальном псевдорусском мире, а «маргинализованная», оставшаяся старой девой Ида, посвятив свою жизнь классическому воспитанию (европейская литература и культура) детей Берты, как нельзя лучше подходит космополитному и европейскому пространству Санкт-Петербурга с его разнообразными коммуникативными полями. Предполагаемая же сепарация большинства василеостровских немцев является условной ввиду их повседневных контактов с полиэтническим населением города⁸².

Лесков оставляет своим героям право выбора, даже если этот выбор ведет к гибели: в случае с «немецким» путем Ивана Сипачева в «Колыванском муже» или «русским» путем косого Левши⁸³. Причем

⁸¹ См. Заварзина 2009. С. 9.

⁸² См. Данилова 2011. С. 19.

⁸³ Заварзина 2009. С. 8; Жданов 2006; Ашурков 1977; Левин 1987; Панченко 1993.

особый модус существования в поликультурном пространстве не предполагал рассмотрения вопроса интеграции или культурного выбора как проблемы, не ощущавшейся как таковая, но как естественная данность, в которой сосуществуют разные социокультурные уклады. Это давало возможность единства в многообразии, а не победу какого-то одного: «русского», «немецкого» или «иностранный», дискурса. В петербургском контексте «чужое» – это тоже «свое».

Лесков, подобно русскому Сократу, не дает прямого ответа на вопросы своих критиков: «Вы вместе с русским народом или против него?» – его любовь к России гораздо глубже и шире узкого национализма. «Вы за или против русского православия?» – его христианская вера и духовные поиски не укладываются в канон исключительности всего русского и православного. Его «хитроумные маневры» говорят о непростых путях поиска вненациональной «абсолютной истины» (или совершенной правды) посредством комбинации народной, европейской и общечеловеческой культуры, с помощью духовного самосовершенствования и самообразования⁸⁴. Обладая внутренней свободой в своей публицистической деятельности, он независим от идеологем или строго предписанных правил⁸⁵.

Способность целостного видения динамичного мира предполагает преодоление границ одномерного и мононационального мира – в сторону полиморфного и трансграничного. В этом Лесков схож с «оборотистым», «многоликим» и «хитроумным» Одиссеем, «все время находящимся» в движении, переходе и внутреннем обращении». Подобно Петру I, совершившему культурную метаморфозу, Лесков проделывает со своими героями метаморфозу духовную, а их путь напоминает порой околичное возвращение домой⁸⁶. В «Островитянах» он выходит за рамки этноцентризма, без чего диалог «своего» и «чужого» не может состояться. Он «показывает близость “чужих” к истине и даже святости»⁸⁷, уподобляясь Одиссею «искушенн[ому] опытом многослойного мира и отдающ[ему] дань многообразию модусов присутствия в нем»⁸⁸. Но художник проходит в своем развитии долгий путь, и пластичные и живые образы немцев в «Островитянах» могут превратиться в плоский и шаблонный образ Гуго Пекторалиса в «Железной воле» – или это еще один из экспериментов писателя, нащупывающего новые способы показа не только мирного сосуществования, но и конфронтации культур, не сводящихся в своей самобытности к единому знаменателю? Русский Бог дарует незлобивому русскому «дураку», полагающемуся на него,

⁸⁴ Разинов 2012. С. 15.

⁸⁵ Gifanova, Cheremisina, Bobrova 2015. P. 414; Данилова 2011. С. 26-27.

⁸⁶ Разинов 2012. С. 16.

⁸⁷ Данилова 2011. С. 26-27.

⁸⁸ Разинов 2012. С. 17.

добродушному алкоголику, «ленивейшему мещанину» и «маленькому человеку» Сафроньчу достойную православного человека смерть, а немцу-лютеранину и педанту, выстраивающему свою жизнь на формальной логике и чистом разуме – нелепую.

Лесков – русский писатель, но он также одновременно типичный и атипичный представитель русской культуры и образованной публики имперского периода, находившейся в тесной связи и взаимодействии с инокультурными мирами. Лесков – скептик, равно критически наблюдающий человека в его «русскости», «немецкости» и иных этнокультурных контекстах, но любящий Россию и человечество (Европу). Он не готов поступиться целым ради частного так же, как готов защищать частное – самобытное и особенное, его право на существование в семье европейских народов как равного среди равных.

Повесть Лескова, оставшись непонятой современниками, не оказала существенного влияния на сферу политических, культурных и социальных практик, скорее диссонируя с ними и с общественным мнением. Ее время тогда еще не пришло. Будучи скорее коммуникативным посланием будущим поколениям, она давала им шанс попытаться понять и принять этот мир в его бесконечном многообразии и богатстве. Тем самым писатель создавал коммуникативное пространство будущего, пытаясь настроить струны души современников на межкультурный диалог. Этот диалог не был пока возможен, так как не существовало еще того аналитического и этического инструментария, а тем более языка, на котором можно было понять друг друга. Общество не было пока готово к диалогу, не пройдя через горнило двух Мировых войн и величайшего социального эксперимента XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н.Н., Нохрин И.М., Богомазова О.В. Открывая неизвестного Ключевского. Историк как творец национальной идеи // Диалог со временем. 2016. Выпуск 55. С. 41-61.
- Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // Вопросы истории. 2016, № 6, с. 3-20.
- Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-дискурсивная парадигма языкового знака // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах. Ставрополь, 2009. Вып. 7. С. 7-17.
- Аишурков В.Н. Исторический прообраз тульского Левши // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 216-219.
- Вдовиченко А.В. Мифы единства «языка» и языковой идентичности. Раннее христианство и русский мир // Диалог со временем. 2016. Выпуск 55. С. 5-19.
- Вигель Ф.Ф. Записки, под ред. С. Я. Штрайха. М.: Захаров, 2000.
- Данилова Н.Ю. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н.С. Лескова (на материале произведений 1860 – 1880-х гг. об иностранцах и инородцах). Автореф. дис. к.ф.н. СПб., 2011.
- Данилова Н.Ю. Творчество Н.С. Лескова в оценке русской церковной критики XIX – начала XX вв. // Культура и история: материалы межвузовских научных конференций «Культура и история» / Под ред. Ю.К. Руденко и др. СПб., 2009. С. 210-225.
- Жданов С.С. Национальность героя как элемент художественной системы: Немцы в русской литературе XIX века. Автореф. дис. к.ф.н. Новосибирск, 2005.

- Жданов С.С. «Немецкий» и «русский» миры в рассказе Н. А. Лескова «Колыванский муж» // Аспирантский сборник НГПУ – 2006: в 4 ч. Часть 1. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. С. 152-160.
- Заварзина (Данилова) Н.Ю. Диалог культур и диалог книг в повести Лескова «Островитяне» // Лесков Н.С. Островитяне: Повесть. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 5-28.
- Заварзина (Данилова) Н.Ю. Оппозиция «свое» / «чужое» в рассказе Н.С. Лескова «На краю света» // Русская литература. 2002. № 2. С. 174-185.
- Заварзина (Данилова) Н.Ю. Qui pro quo и «Подмен виновных»: металитературное и автобиографическое в рассказе Н.С. Лескова «Колыванский муж» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 2 (12). С. 32-46.
- Зенкевич С.И. Немцы в изображении Н.С. Лескова: повесть «Островитяне» // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб.: Росток, 2005. С. 331-338. Иллюстрация. 1847. Т. 5. № 29. 9.8.1847.
- Иллюстрация. 1848. Т. 6. № 1. 1.1.1848.
- Иллюстрация. 1848. Т. 6. № 3. 17.1.1848.
- Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.
- Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 5. М.: «Мысль», 1989.
- Кузьмин А.В. Инородец в творчестве Н.С. Лескова: проблема изображения и оценки. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2003. 124 с.
- Левин Ю.Д. К вопросу об источниках рассказа Лескова «Левша» // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 118-22.
- Лесков Н.С. Островитяне // Полное собрание сочинений. Изд. 3. Т. 12. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1902.
- Медведовский П. Любовь на Васильевском острове // Иллюстрация. 1848. Т. 6. № 3 (суббота, 17.1.1848). С. 34-35.
- Оболенская С.В. Германия глазами русских военных путешественников 1813 года // Одиссей. Человек в истории. – 1993. М.: Наука, 1994. С. 70-84.
- Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII-XIX вв. // Одиссей. Человек в истории – 1990. М.: Наука, 1991. С. 161-185.
- Оболенская С.В. Русские и европейцы. Поиски русской национальной идентичности у Достоевского // Одиссей. Человек в истории. – 1998. М.: Наука, 1999. С. 282-302.
- Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI—XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.
- Панченко А.М. Лесковский Левша как национальная проблема // Возрождение культуры России: истоки и современность. Вып. 1. СПб., 1993. С. 18-22.
- Поткина И.В. Иностранные предприниматели и их гражданский статус в Российской империи // Российская история. 2014. № 4. С. 166-172.
- Разинов Ю.А. Влечение к обману, или Чем хитроумный Одиссей лучше правдивого Ахиллеса // Вестник Самарского государственного университета. Философия. 2012. № 2, ч. 1. С. 12-17.
- Суслов М.Д. «...Обезличил нас и властвовал над нами»: Понятие «немец» в российских позднеимперских политических дебатах // Вестник Пермского университета. 2014. История. Вып. 4 (27). С. 180-193.
- Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984.
- Benjamin W. The Storyteller: Reflections on the Works of Nikolai Leskov // The Novel: An Anthology of Criticism and Theory 1900–2000 / Ed. D.J. Hale. Malden: Blackwell, 2006.
- Girfanova K., Cheremisina Harter I., Bobrova G. Reception of N.S. Leskov's Religious and Philosophical Worldview in English-speaking Critic // Procedia – Social and Behavioral Sciences 206 (2015). P. 410-415.
- Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914. Frankfurt am Main, Berlin, Bern u.a. 2002.
- Kucherskaya M. Literary Borrowing in the Work of N. S. Leskov: A Case Study of The Spendthrift // The Russian Review 75 (January 2016). P. 67–85.
- Monk R. Wittgenstein. Das Handwerk des Genies, Stuttgart: Klett-Cotta, 2004.

- Sperrle I.C. The Organic Worldview of Nikolai Leskov // Studies in Russian Literature and Theory/Studies of the Harriman Institute. Evanston: Northwestern Univ. Press, 2002. 288 p.
- Wigzell F. Nikolai Leskov, Gender and Russianness // Gender and Sexuality in Russian Civilization / Ed. by Peter I. Barta. London: Routledge, 2001. P. 105-120.

REFERENCES

- Alevras N.N., Nohrin I.M., Bogomazova O.V. Otkryvaja neizvestnogo Ključevskogo. Istoriik kak tvorec nacional'noj idei // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 55. S. 41-61.
- Alekseeva E.V., Redin D.A., Rej M.-P. «Evropeizacija», «vesternizacija» i mehanizmy adaptacii zapadnyh novovvedenij v Rossii imperskogo perioda // Voprosy istorii. 2016. № 6. S. 3-20.
- Alefirenko N.F. Kognitivno-diskursivnaja paradigma jazykovogo znaka // Jazyk. Tekst. Diskurs: nauch. al'manah / pod red. G.N. Manaenko. Stavropol', 2009. Vyp. 7. S. 7-17.
- Ashurkov V.N. Istoričeskij proobraz tul'skogo Levšii // Voprosy istorii. 1977. №5. S. 216-219.
- Vdovichenko A.V. Mify edinstva "jazyka" i jazykovoj identičnosti. Rannee hristianstvo i russkij mir // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 55. S. 5-19.
- Vigel' F. F. Zapiski, pod red. S. Ja. Shtrajha. M.: Zaharov, 2000.
- Danilova N.Ju. Dialog «svoego» i «chuzhogo» v hudozhestvennom mire N.S. Leskova (na materiale proizvedenij 1860–1860-h gg. ob inostrancah i inorodcah). Avtoref. dis. SPb., 2011.
- Danilova N.Ju. Tvorčestvo N.S. Leskova v ocenke russkoj cerkovnoj kritiki XIX - nachala XX vv. // Kul'tura i istorija: materialy mezhvuzovskih nauchnyh konferencij «Kul'tura i istorija» (2004-2007) / Pod red. Ju.K. Rudenko, A.A. Shelaevoj, V.V. Gorjachmh, M.A. Shibaeva. SPb., 2009. S. 210-225.
- Zhdanov S.S. «Nemeckij» i «russkij» miry v rasskaze N. A. Leskova «Kolyvanskij muž» // Aspirantskij sbornik NGPU: v. 4, ch. Chast' 1. Novosibirsk: NGPU, 2006. S. 152-160.
- Zhdanov S.S. Nacional'nost' geroja kak jelement hudozhestvennoj sistemy: Nemcy v russkoj literature XIX veka ... avtoref. dis. k.f.n. Novosibirsk, 2005.
- Zavarzina (Danilova) N.Ju. Dialog kul'tur i dialog knig v povesti Leskova «Ostrovitjane» // Leskov N.S. Ostrovitjane: Povest'. SPb.: Azbuka-klassika, 2009 S. 5-28.
- Zavarzina (Danilova) N.Ju. Oppozicija «svoe» / «chuzhoe» v rasskaze N.S. Leskova «Na kraju sveta» // Russkaja literatura. 2002. № 2. S. 174-185.
- Zavarzina (Danilova) N.Ju. Qui pro quo i «Podmen vinovnyh»: metaliteraturnoe i avtobiograficheskoe v rasskaze N.S. Leskova «Kolyvanskij muž» // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2008. № 2 (12). S. 32-46.
- Zenkevich S.I. Nemcy v izobrazhenii N. S. Leskova: povest' «Ostrovitjane» // Nemcy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanie, SPb.: Izd. Rostok, 2005. S. 331-338. 640 s.
- Illjustracija. 1847. T. 5. № 29. 9.8.1847.
- Illjustracija. 1848. T. 6. № 1. 1.1.1848.
- Illjustracija. 1848. T. 6. № 3. 17.1.1848.
- Kamenskij A.B. Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt celostnogo analiza). M.: RGGU, 2001. 575 s.
- Ključevskij V.O. Sočinenija v 9 tomah. T. 5. M.: Izd-vo «Mysl'», 1989.
- Kuz'min A.V. Inorodec v tvorčestve N. S. Leskova: problema izobrazhenija i ocenki. SPb.: Filol. fakul'tet SPbGU, 2003. 124 s.
- Levin Ju.D. K voprosu ob istočnikah rasskaza Leskova «Levsha» // Issledovanija po drevnej i novej literature. L., 1987. S. 118-22.
- Leskov N.S. Ostrovitjane // Polnoe sobranie sočinenij. Izd. 3. T. 12. SPb.: Izd. A.F. Marksa, 1902.
- Medvedovskij P. Ljubov' na Vasil'evskom ostrovu // Illjustracija. 1848. T. 6. № 3 (subbota, 17.1.1848). S. 34-35.
- Obolenskaja S.V. Germanija glazami russkikh voennyh puteshestvennikov 1813 goda // Odissej: Chelovek v istorii. M.: Nauka, 1994. – 1993: Obraz "drugogo" v kul'ture / Otv. red. A.Ja. Gurevich. 330 s. S. 70-84.
- Obolenskaja S.V. Obraz nemca v russkoj narodnoj kul'ture XVIII-XIX vv. // Odissej: Chelovek v istorii / RAN. In-t vseobshh. istorii. M.: Nauka, 1991. – 1990: Kul'turno-antropologičeskaja istorija segodnja / Otv. red. A.Ja. Gurevich. S. 161-185.

- Obolenskaja S.V. Russkie i evropejcy. Poiski russkoj nacional'noj identichnosti u Dostoevskogo // Odissey: chelovek v istorii. M.: Nauka, 1999. – 1998: Lichnost' i obshchestvo: problemy samoidentifikacii. S. 282-302.
- Oparina T.A. Inozemcy v Rossii XVI—XVII vv. Ocherki istoricheskoy biografii i genealogii. M.: Progress-Tradicija, 2007. 384 c.
- Panchenko A.M. Leskovskij Levsha kak nacional'naja problema // Vozrozhdenie kul'tury Rossii: istoki i sovremennost'. Po materialam Vserossijskogo nauchnogo seminaru, Sankt-Peterburg, 15-16 dekabrja 1992 g. Vyp. 1. SPb., 1993. S. 18-22.
- Potkina I.V. Inostrannye predprinimateli i ih grazhdanskij status v Rossijskoj imperii // Rossijskaja istorija. 2014, № 4, s. 166-172.
- Razinov Ju.A. Vlechenie k obmanu, ili Chem hitroumnyj Odissey luchshe pravdivogo Ahillesa // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2, Ch. 1. S. 12-17.
- Suslov M.D. «...Obezlichil nas i vlastvoval nad nami»: Ponjatie «nemec» v rossijskikh pozdneimperskikh politicheskikh debatakh // Vestnik Permskogo universiteta. 2014. Istoriya. Vypusk 4 (27). S. 180-193.
- Juhnava N.V. Jetnicheskij sostav i jetnosocial'naja struktura naselenija Peterburga. L., 1984.
- Benjamin W. The Storyteller: Reflections on the Works of Nikolai Leskov // Hale D.J., Ed. The Novel: An Anthology of Criticism and Theory 1900-2000. Malden, Mass.: Blackwell Publishing, 2006.
- Girfanova K., Cheremisina Harrier I., Bobrova G. Reception of N.S. Leskov's Religious and Philosophical Worldview in English-speaking Critic // Procedia – Social and Behavioral Sciences 206 (2015). P. 410-415.
- Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914, Frankfurt am Main, Berlin, Bern u.a. 2002.
- Kucherskaya M. Literary Borrowing in the Work of N.S. Leskov: A Case Study of The Spendthrift // The Russian Review 75 (January 2016). P. 67–85.
- Monk R. Wittgenstein. Das Handwerk des Genies, Stuttgart: Klett-Cotta, 2004.
- Sperle I.C. The Organic Worldview of Nikolai Leskov. Studies in Russian Literature and Theory/Studies of the Harriman Institute. Evanston: Northwestern Univ. Press, 2002. 288 p.
- Wigzell F. Nikolai Leskov, Gender and Russianness // Gender and Sexuality in Russian Civilization, ed. by Peter I. Barta. London: Routledge, 2001. P. 105-120.

Keller Андрей Викторович, доктор философии, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург); a.v.keller@urfu.ru

475 steps to a different world, or an image of a foreign entrepreneur in the works by N.S. Leskov

Literary works that integrate intellectuals of various social strata into communicative efields help measure “public opinion” and even “passions” that surrounded the topic of foreigners in Russia, and innovations in technology, dress style and cultural practices introduced by them.. The oeuvre of N.S. Leskov offer us rich material for research into the subject of foreign entrepreneurs in Russia in the second half of the 19th century. Stories such as 'Levsha', 'The Islanders', 'Iron Will', and many others make clear the multi-sided and contradictory relationship which the author had with themes of intercultural communication and adaptation to new cultural and social practices.

Keywords: N.S. Leskov, foreign entrepreneurs, foreigners, 'us' and 'the other', craftsmen, Russification, integration

Andrei Keller, Dr. phil. (Albert-Ludwigs-Universität Freiburg im Breisgau/Germany), senior research fellow, Ural Federal University, Institute for the Arts and Humanities, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ekaterinburg, Russia, a.v.keller@urfu.ru